

Н. ОГНЕВ

О русской интеллигенции

(В Религиозно-философском обществе)

Заседание Религиозно-философского общества 21 апреля опять было очень многолюдным.

Темой заседания был сборник «Вехи» (Булгаков, Струве и др.).

Докладчиками выступили: Д. В. Философов и Д. С. Мережковский. Первым читал свой доклад — «Национализм и религия» — г. Философов.

— Об умерших говорят или одно хорошее или ничего не говорят, — начал свой доклад Д. В. — Теперь заговорили о русской интеллигенции, заговорили страстно. Обвиняют ее во всех грехах, какие только значатся в церковных требниках. Но главный грех, в котором обвиняет русскую интеллигенцию сборник, это — государственное отщепенство. Допустим, говорит докладчик, авторы «Вех» правы. Допустим, что интеллигенция прочла сборник и на общем всеинтеллигентском, все-российском митинге постановила резолюцию: покаяться и просить у П. Б. Струве и товарищей указать действительные вехи дальнейшего пути. Не отвлеченные построения досужей философствующей мысли, а самый жизненно-практический лозунг: «что делать?» именно в текущем 1909 году.

Такого лозунга авторы «Вех» ни в самом сборнике, ни в других своих статьях совершенно не указывают.

Худо ли, хорошо ли, но Россия до сих пор жила своим лозунгом, держалась на своих «китах»: православии, самодержавии и народности¹. Ныне эти столпы российской государственности поколеблены. Это понимает всякий, даже — поклонники этих столпов. Что же теперь делать и как быть?

Докладчик последовательно разбирает в применении к русской действительности все три проблемы: национализм, самодержавие и религию.

Насчет национализма, говорит Д. В., «трезвый» Меньшиков², из «Нов<ого> вр<емени>», решает дело прямо. На примере Турции.

Турция была сильна, когда представляла однородный состав нации. Ныне она пала вследствие разноплеменности; пала под тяжестью «чужого». Участь перегруженного корабля должна постичь и Австрию, и Англию. Та же опасность и для России.

— И мы были сильны, — говорит Меньшиков, — пока не набрали «чужого», пока не было завоеваний. Государство, потерявшее этнографическое единство, неминуемо должно погибнуть.

Для спасения России Меньшиков и предлагает «сосредоточение»: отдать, напр<имер>, Польшу Германии за 8 миллиардов и т. д.

«Романтик» Струве не согласен с Меньшиковым. Он хочет примирить национализм с разноплеменной государственностью под доминирующей шапкой русской национальности. Но, говорит докладчик, если государство хочет быть национальным, оно должно быть тираническим. Другого способа история не знает.

Самодержавие. В истории был факт обожествления власти государственной. Это — Древний Рим. Он держался и при разноплеменности — именно идеей государственного единства. Но римляне были народ исключительный. У них были чрезвычайно сильны инстинкты права и государственности. Однако с завоеванием Востока явился национальный дуализм. И его Рим не выдержал. Россия же ни в какое сравнение не может идти с Римом. Русская государственная машина держится лишь материальной силой и ничем более. Даже поляки, и финляндцы, и прибалтийские немцы при доминирующем положении их в российском государстве с большим успехом реализовали бы в жизни начала правового государства.

Православие. Да, оно прежде было силой; оно было и средством русификации. «Русский» и «православный» были синонимы. Но с Петра I уже начинается трагедия распада. Православие перестает быть основой русской государственности. Петр — первый выдвинул иное начало. И православие сохнет и вянет, как отмирающий корень. Западная церковь тоже столкнулась с этим «иным» началом. И она упорно боролась за свое влияние (Тридентский собор³, орден иезуитов). Но наша гос-

подствующая церковь не идет в сравнение с мощной организацией католической церкви. Как «Союз русского народа», взявший на себя роль ордена иезуитов, не идет с последним ни в какое сравнение. Наши «неоправославные» (Булгаков, Бердяев) поневоле должны закрывать глаза на то, что творится нашей церковью кругом. «Вехи» указывают поворот к означенным «китам», но обновленным и прикрашенным. Но в тысячу раз прав Меньшиков! Или реакция и черносотенство Дубровина с его «Союзом» — или интеллигенция... Иного пути нет.

После перерыва прочел свой доклад Д. С. Мережковский: «Опять о интеллигенции и народе». Д. С. начинает сном Раскольникова. Толпа «огромных» мужиков запрягла в громадную телегу маленькую лошаденку, потом навалились грудой мужики в телегу и заставляют лошаденку бежать вскачь. На бедную тварь сыплются удары... Сперва по ней гуляет кнут; потом оглобля. Пока наконец выбившееся из сил животное не падает с предсмертным хрипом. Телега, говорит Д. С., — это Россия; лошаденка — наша русская интеллигенция. Авторы «Вех» бьют ее не на живот, а на смерть... Сборник этот — акт своего рода отлучения, анафемствования интеллигенции, как некогда Синод создал акт отлучения Л. Толстого. При этом знаменательно и совпадение. Под отлучением Толстого подписалось семь «смиранных» иерархов. Так и под «Вехами» мы видим подписи семи «смиранных литераторов». Как семь различных цветов радуги сливаются в один белый цвет — так и эти литераторы, несмотря на все их разногласия во взглядах на религию и пр., слились в одном, им общем, чувстве нелюбви к интеллигенции... Но авторы «Вех» прежде всего сами себе подписали осуждение: «Внутренняя жизнь личности, — говорится в предисловии к сборнику, — есть единственная творческая сила». Этим все сказано. Этим раскрыта бездонная пропасть, куда проваливаются все «вехи» авторов. Государственность, общественность, церковность («да все едино будет»⁴) — все рушится. Д. С. развивает далее свой взгляд на исторический процесс. Не эволюция, а революция в основе этого процесса. Процесс проникнут религиозным смыслом и его духом. Так как и само христианство глубоко революционно (эсхатологическая перспектива апокалипсиса⁵). Стремлением к новой земле, новому небу, к «граду Божию» и проникнута наша интеллигенция. И это — ее миссия, ее заслуга. И пусть она не поминает имени Божия — она гораздо ближе к Богу тех, у кого это имя не сходит с языка. Авторы «Вех» в чувстве ненависти к интеллигенции сходятся с наиболее реакционными из наших иерархов.

Гершензон подает руку Антонию Волынскому. Оба начинают свое осуждение с Петра, первого русского интеллигента и отщепенца, и революционера. Но этот Петр — в каждом из нас...

После перерыва были прения. Говорили П. Б. Струве, свящ. Аггеев, Франк, Неведомский, Столпнер. Прения отличались оживленностью и страстностью... Авторы «Вех» защищались. На них нападали Неведомский и Столпнер...

(Речь. 1909. № 109. 23 апреля (6 мая). С. 4—5)

